

УДК 811.161.1'28

Образные номинации детей и подростков в русских диалектах (на материале «Словаря русских народных говоров»)

Поповичева Ирина Викторовна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент,
кафедра русского языка как иностранного,

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
392000, Российская Федерация, Тамбов, ул. Интернациональная 33;

e-mail: irinapopovicheva@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются мотивационные связи образных номинаций детей и подростков в русских диалектах. Основой исследования послужили данные «Словаря русских народных говоров». Констатируется, что для диалектных единиц лексического множества «Ребенок (дети)» идентификационное значение 'ребенок' может быть основным и легкоузнаваемым по корневым морфемам или вторичным, метафорическим, определяемым узуальными ассоциациями. Анализ семантических и деривационных мотивационных отношений слов группы позволил заключить, что ассоциативно-образные обозначения малолетних детей и подростков могут быть рассмотрены как особая лексико-семантическая зона, в которой метафорические номинации и слова с метафорической внутренней формой активно используются при вербализации акциональных или квалифицирующих признаков малолетних субъектов, трансляции типизированных идей и смыслов, отраженных языковым сознанием в данном номинативном участке. Выполняя оценочно-характеризующую функцию, образные номинации отражают отношение взрослых членов социума к детям. Большинство лексем демонстрирует нейтральную или положительную оценку, неодобрительный характер коннотации отмечен в ситуациях, указывающих на шумность, озорство детей, неуместность повторения ими действий взрослых. Как правило, отрицательное или положительное коннотативное значение изначально закреплено в семантической структуре производящего (мотивирующего) слова, реже является результатом развития нового (метафорического) значения слова. В этом случае обычно используется словоформа с оценочным аффиксом. Результаты исследования имеют значение для всестороннего изучения образа ребенка в русской народной культуре.

Для цитирования в научных исследованиях

Поповичева И.В. Образные номинации детей и подростков в русских диалектах (на материале «Словаря русских народных говоров») // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 4А. С. 106-119.

Ключевые слова

Русские народные говоры, образные номинации, ребенок, дети, мотивационные связи.

Введение

В классических и современных научных изысканиях не раз постулировалась мысль о том, что диалектное слово обладает информационной многослойностью. Аккумулируя информацию о мире, народный лексикон в ментальном преломлении отражает бытийные, социально-исторические, мифологические, оценочные знания и представления диалектоносителей.

Семантические основы многих диалектных номинаций восходят к реалиям и их образам, хорошо известным диалектоносителями, но нередко непонятным современному человеку или носителю другого диалекта [Демидова, 2015]. Экспликация значений и семантических связей региональных и устаревших слов требует обращения к справочным изданиям по русской этимологии, диалектологии, фольклору.

Как показал статистический анализ материалов «Словаря русских народных говоров» (далее – СРНГ), в русских диалектах достаточно многочисленной является лексическая группа «Ребенок». В нее входит более 1000 номинативных единиц [Поповичева, Кластер-анализ..., 2015], изучение которых представляет особый научный интерес для всестороннего исследования образа ребенка в народной культуре, взглядов и представлений, связанных с детьми в традиционном сознании русских.

Для слов группы значение ‘ребенок’ может быть основным и легкоузнаваемым по корневым морфемам (например, для производных от корней *реб-*, *роб-*, *дет-*, *млад-*, *мал-*, *дев-*: *ребяте'нко*, *робя'ш*, *де'та*, *детя'тко*, *младе'нчик*, *малоле'т*, *мала'й*, *мальчу'жка*, *девчо'шко*) или вторичным, метафорическим, определяемым узуальными ассоциациями, что демонстрируют мотивированные слова с метафорической внутренней формой (типа: *оста'льчик* – ребенок-сирота; *крапи'вник* – внебрачный ребенок), метафорические лексико-семантические варианты (*коклю'шка* – малютка, ребенок, только начинающий ходить; *зуй* – подвижный ребенок) и метафорические двусловные наименования (*кислая бли'нница* – о плаксивом ребенке; *полови'нкин сын* – о внебрачном ребенке). Лексические единицы такого

типа правомерно квалифицировать как образные [Юрина, 2005, 10]. Отмечая представительность образных лексических средств в русских говорах (Т.В. Бахвалова, О.И. Блинова, Л.Я. Костючук, Е.В. Колосько, Е.А. Пюльзю и др.), исследователи связывают этот факт с доминированием в сознании диалектоносителей наглядно-образного типа восприятия окружающего мира [Демидова, 2015, 47].

Известно, что основными функциями образной лексики являются характеризующая и экспрессивно-оценочная [Юрина, 2015, 11]. Поэтому изучение семантических связей ассоциативно-образных производных и метафорических единиц, относящихся к одному лексико-семантическому объединению, позволяет выделить типизированные образные представления о номинируемой реалии и ценностное отношение социума или индивида к называемому.

В качестве предварительного замечания следует также отметить, что в научной литературе уже имеется положительный опыт описания образных диалектных наименований детей. Впервые эта лексика была отмечена и сопровождается лингво-этнографическим комментарием в работах Д.К. Зеленина, В.Н. Харузиной, Т.И. Бернштам, А.К. Байбурина, Т.А. Листовой, С.Б. Борисова, И.И. Шангиной, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, М.М. Валенцовой, И.А. Седаковой, Д.А. Баранова и др. этнографов и этнолингвистов. Собственно лингвистический анализ образных народных слов со значением 'ребенок' представлен в работах В.Ф. Филатовой, М.В. Костромичевой, М.М. Угрюмовой, Л.И. Лариной, Н.Г. Архиповой, Т.Г. Овсянниковой и др. Так, в статье Л.И. Лариной рассматриваются мотивационные признаки лексических единиц, известных в курских говорах со значением 'внебрачный ребенок' [Ларина, 2014]. На материале вологодских говоров в исследовании Т.Г. Овсянниковой научно интерпретированы образно-эмоциональные слова, вербализующие психофизиологические особенности детей: непослушание, упрямство, баловство, шаловливость, плаксивость [Овсянникова, 2012]. В работе Т.В. Леонтьевой описан опыт мотивационного анализа русских общенародных и диалектных слов, обозначающих взросление человека [Леонтьева, 2016].

О мотивационных связях некоторых образных номинаций детей и подростков в русских диалектах

Констатируя большой объем и многообразие представленного в СРНГ диалектного материала, мы в рамках статьи обратимся к анализу мотивационных связей лишь некоторых образных лексических единиц, в дефинициях которых указан семантический компонент 'ребенок/дети' ('о ребенке', 'о детях', 'дитя', 'маленький ребенок', 'подросток', 'о подростке',

‘подросток-девочка’, ‘о девочке-подростке’, ‘в обращении к ребенку/детям’)¹.

Как показало исследование Д.А. Баранова, в ритуально-обрядовых традициях и вербальных формах культуры нашли отражение представления русского народа о близости малолетних детей (младенцев) к миру природного, «нечеловеческого» [Баранов, 1999]. Поэтому неслучайно для русского языкового сознания традиционна метафорическая модель «наименование ребенка» > «название мелкого по размеру предмета или существа» [Аюпова, 2008, 87]. Сравнение детей с небольшими живыми существами актуализирует не только идею превалирования в детях биологического над социальным, но и их природно-физиологические особенности: малость, неразумность, неумелость, несамостоятельность и т. п. [Поповичева, Возрастная стратификация..., 2015, 91]. Например, на основе сопоставления по признаку «малый» (маленький по размеру) ребенка называют *жуклёнком* – производным от *жук* (*жуклён* – ‘малый ребенок’ Саратов.² [СРНГ, Т. 8, 223]. Показательно, что фонетический вариант лексемы употребляется в более общем значении: *жужлён* – ‘об очень маленьком живом существе’. Саратов. [СРНГ, Т. 9, 221]. Параллелизм признаков ‘малый’ и ‘неразумный’ демонстрируют диалектные дериваты от корня *жив-*, называющие маленьких детей и другие мелкие живые существа: *живу'ля* / *живу'лечка* / *живу'лька* – ‘грудной ребенок’. *Сидит живая живулечка на живом стульчике, тербит живое мясо* (загадка: ребенок у груди матери); *От рогатого берут и живулькам (людям) дают* (загадка; молоко); ‘о мелком животном или микроскопическом живом организме’ [СРНГ, Т. 9, 160]. В словаре В. Даля к слову *живуля* приводятся также значения ‘блоха, вошь’; ‘все живое неразумное’ [Даль, Т. 1, 554].

Традиционный уклад жизни крестьян, основанный на коллективном бытовании, по верному замечанию М.М. Угрюмовой, «обусловил восприятие детей как нечленимого множества, следствием чего являются обозначения, содержащие сему собирательности: *детвора, детва, детура*» [Угрюмова, 2014, 14]. Отражают контаминацию признаков малости и множественности метафорические номинации, в основе которых сравнение группы детей с небольшими по размеру существами, живущими стаями, например: *саранча* – ‘о детях’. Моск. [СРНГ, Т. 36, 133]; *мальва* – ‘молодь рыбы’. Терск.; ‘дети, ребятишки’. Орл. [СРНГ, Т. 17, 342].

¹Анализ мотивационных связей образных номинаций с актуализированным дополнительным признаком типа: ‘ребенок-сирота, ‘внебрачный ребенок’, ‘ребенок, выполняющий определенные трудовые функции’, ‘плаксивый, капризный ребенок’ и т. п. требует специального исследования.

²Здесь и далее ареальная характеристика приводится в сокращениях, принятых в первоисточниках, на которые дается ссылка.

Физиологические особенности малолетних детей и детского развития (особый способ питания, неумение ходить, говорить и т. п.) послужили основой диалектных номинаций, внутренняя форма которых не всегда понятна современным носителям русского языка или жителям разных диалектных территорий. Так, если увидеть деривационные связи лексемы *дудо'ля* – ‘грудной ребенок’. Смол. [СРНГ, Т. 8, 250], образованной от глагола *дудонить*, *дудолит* – ‘сосать много, долго’ и имеющей тот же корень, что и существительные *дуда* – ‘труба, трубка’, *дудок*, *дудала*, *дудолка*, *дудолица* – ‘кто много пьет или сосет’ [Даль, Т. 1, 514], несложно, то определить мотивирующую основу диалектизма *каве'куш* – ‘ребенок’ (*Заползал по хате наш кавекуш*. Смол. [СРНГ, Т. 12, 292]) затруднительно. Учитывая контекстный пример, можно предположить связь слова с глаголом *каверза'ть* – ‘делать что-либо небрежно, кое-как’. Пск., Смол., одно из отмеченных в СРНГ значений которого ‘идти спотыкаясь’ Кубан. (см. также: *каверзЕе'нистый* – не умеющий сделать так, как нужно, неумелый. Пск, Твер. [СРНГ, Т. 12, 292]). Мотивационную полисемантическую, на наш взгляд, имеет лексема *сопля'к* – ‘о ребенке’; ‘бранно о ребенке’. Зап.-Брян., Ишим., Tobol.; ‘о молодом человеке, мальчике, который хочет казаться взрослым’. *Ты еще сопляк, а уж курить лезешь*. Калуж., Волог. [СРНГ, Т. 38, 339]. В русском литературном языке слово употребляется в синонимичных значениях: ‘маленький ребенок, мальчишка’; ‘очень молодой, неопытный и неумелый человек, молокосос’ [Кузнецов, 2000, 1235]. Как видим, на первый план выходит сема ‘невзрослый’ в сочетании с коннотативным компонентом «неодобрительно». Возможно, что наименование *сопляк* связано не только с тем, что действительно у маленьких детей из простых крестьянских семей *сопли* были не редкость. Деривационная связь слова с глаголом *сопеть* (‘издавать носом свистящие, сиплые звуки’; ср.: *соплёнок* – ‘малое дитя или детеныш животного, щенок, который визжит и сопит’³ [Даль, Т. 4, 280]) позволяет предположить, что лексема *сопляк* опосредованно эксплицирует признак «не имеющий голоса», в значении ‘не имеющий власти, бессильный, несамостоятельный’ [Даль, Т. 1, 380].

В образных номинациях, как известно, «часто выражена характеристика по особо бросающимся в глаза признакам» [Сомова, 2016, 147]. Поэтому многие диалектные номинации и обращения-оценки вербализируют поведенческие особенности малолетних детей: их подвижность, озорство, шаловливость, шумность и т. п.: *ербезёнок* (‘ребенок, дитя’. Костром. [СРНГ, Т. 8, 366]: производное от *ербеза* – ‘беспокойный человек, непоседа, егоза’

³ В работе Н.Ю. Баженова приводится целый ряд образных диалектных единиц, выражающих ассоциативное соотношение человека с животным на основе звуковых аналогий с зоофонами, что позволяет считать данную модель метафорического переноса регулярной [Баженов, 2016].

[Фасмер, Т. 2, 22], субстантивной формы глагола *ербезить* – ‘егозить, юлить, елозить, ерундить; стоять, сидеть не смирно, беспокойно’ [Даль, Т. 1, 536]); *содо'мник* (‘о ребенке’. *Кругом набазарено, где игрушки, где чего, а все это содомник Павлушка*. Р. Урал. [СРНГ, Т. 38, 212]: от общеизвестного *содом* – ‘шум, крик, гам’, ‘спор, брань’, ‘шумная толпа’ [Даль, Т. 4, 266]), от которого в русском языке образованы многие номинации людей, отличающихся шумным поведением, в том числе и детей: *содомицик* – ‘сварливый орала, затейщик ссор’ [там же]; *содоми'шки* – ‘детвора, дети’. Ряз. [СРНГ, Т. 38, 212]); *га'за* (‘в обращении к ребенку’. Бранно. Вят. [СРНГ, Т. 6, 94]: хотя лексема *газа* известна в русском языке (в значении ‘казна, сокровищница’ [Фасмер, Т. 1, 382]), но сомнительна ее семантическая связь с анализируемой единицей, так как в обращении к ребенку реализована противоположная коннотация, на что указывает помета «бранно». Более вероятно, что в СРНГ отмечен диалектный вариант субстантива от исконно русского глагола *егозить* – ‘вести себя суетливо, беспокойно; быть слишком подвижным, непоседливым’, от которого также образовано общеизвестное слово *егоза* – ‘непоседа’ (обычно о детях) [Кузнецов, 2000, 294]); *ёшенька* (‘ласковое обращение к ребенку’. *Он у нас прямо ёшенька такой*. Урал. [СРНГ, Т. 9, 48]: возможна связь диалектизма с глаголом *егошиться* – ‘ерзать, беспокойно сидеть’, на что указывает и контекстный пример к междометию *ёшеньки*: «Ой-ой-ой, ах, горе! Ешеньки мои! Где вы столько грязи взяли» [там же] (видимо, диалектоносите́ль обращается к детям – примечание И. П.)).

В образных номинациях детей подросткового возраста актуализируются признаки их физического формирования. Как отмечает Т.И. Бернштам, подростковый этап в русских диалектах обозначался глаголами, производными от понятия ‘рост’: *кунеть / выкунеть, яриться, буйнеть* (севернорусск., южнорусск.) – расти, *идти в сад* – хорошо расти (западно- и южнорусск.) и т. п. [Бернштам, 1988, 26]. Опосредовано указывают на признак роста, относительную крепость и взрослость, например, диалектизмы *луто'нюшка* (‘о длинном тощем парне, подростке’. Пенз., [СРНГ, Т. 17, 206]: в основе метафорической номинации – сравнение мальчика-подростка с *лутом* – ‘лыком, корой липы’)⁴, возможно, с *лутьём* – ‘молодой липовой порослью, пригодной для дранья лыка’ [Фасмер, Т. 2, 536]); *лобаньё* (‘большие, крепкие мальчики-подростки’. Самар., Новгор. [СРНГ, Т. 17, 94]: дериват от

⁴ Длина лыка была важным признаком для оценки его пригодности в различных хозяйственных нуждах: в зависимости от качества и длины лыка из него крестьяне плели лапти, корзины, сундуки, кошелки, котомки и т. д. И хотя лыко считалось дешевым и некрепким природным материалом (например, пословицы: *Лыко с ремешком не вяжись – порвется; Лыком по парче не шьют* [Даль, 2, 281]), оно было очень важным для повседневной жизни крестьян (И лыком шит, да муж; И лычный, да не лишний [там же] – ср.: Свой бороноволок дороже чужого работника – о мальчике-подростке, помогающем при бороновании почвы [Даль, Т. 1, 119]). В русском фольклоре известен также антропоним Лутоня: персонаж русских сказок в образе маленького мальчика, помогающего своим престарелым родителям и бедным людям, проявляя при этом ум, смекалку, находчивость.

общеславянского *лоб-* актуализирует признаки ‘крепкий’, ‘видный (=заметный, большой)’ (ср.: *лобина, лобовина* – ‘выпуклость, округлая возвышенность’ [Даль, Т. 2, 265]), то же можно сказать и о известном в современном русском просторечии лексико-семантическом варианте *лбы* – ‘о здоровых, сильных, высоких молодых людях, подростках’. *Вон какие лбы выросли* [Кузнецов, 2000, 502]); *кобылёха* (‘о девочке-подростке или девушке’. Яросл. [СРНГ, Т. 14, 18]: лексический диалектизм в этом значении относится к группе половозрастных номинаций: содержит указание на признак половой принадлежности и возрастную готовность к деторождению и к работе (см., например, пословицы: *У кобылки семеро жеребят, а хомут свой (а седелка своя)* – работать надо, дети не отговорка; *Кобылка бежит, а Ивашика лежит!* [Даль, Т. 2, 128] и значение слова *кобыла* в просторечно-разговорном реестре: *кобыла* – ‘о рослой здоровой молодой женщине, девушке’. *Здоровая кобыла вымахала, а ленишься!* [Кузнецов, 2000, 435]).

По отношению к маленьким детям подростки уже считались *матёренькими* [СРНГ, Т. 18, 22], т. е. довольно взрослыми, что нашло отражение в номинациях с корнем *бол-*: *большу'н* – ‘подросток, мальчик высокого роста’. Курск. *Эй ты, большун, не стыдно тебе брать яблоки без спроса*. Ворон., Южн.-Сиб. [СРНГ, Т. 3, 93]; *большу'нья* – ‘о девочке-подростке’. Обоян., Курск. [СРНГ, Т. 3, 93]. В значении названия детей подросткового возраста производные от корня *бол-* актуализируют не только признак ‘большой’ в контексте оппозиции «маленькие дети (младенцы) – подростки», но и признак ‘старший по возрасту’: *большатка, большутка* – ‘старшая дочь, особенно недорослая еще’ (пск.); *большун* – ‘подросток, почти взрослый парень, употребительно и вместо *большак*’ (курск.); *большак* и *большица* – ‘старшие дети’ [Даль, Т. 1, 115]. Вместе с тем отнесенность подростков к возрастной группе детей хорошо осознавалась⁵, что отражено, например, в номинациях детей-подростков названиями незрелых животных: *недоку'нок, недоку'нь* – ‘недошлая куница или иной пушной зверь, молодой, не в полной шерсти’; ‘мальчик, девочка, недоросль, незрелый’ (севернорусск.) [Даль, Т. 2, 528]; *ва'женка* – ‘самка северного оленя’; ‘оленья самка в возрасте до двух лет’; ‘девочка, старающаяся казаться взрослой’. Арх. [СРНГ, Т. 4, 13]. По мнению Т.И. Бернштам, «животные» термины такого типа подчеркивают биологическую близость этой возрастной группы к природному миру [Бернштам, 1988, 26].

Отношение взрослых к детям отражает эмоционально-оценочная лексика. Интимно-ласковый характер отличает номинативы с семантикой ‘любимый’, ‘свой, родной’, используемые в речи диалектоносителей в функции обращений к ребенку (детям) и народно-

⁵ Ср.: *середёна* – ‘девушки-подростки’. Яросл. [СРНГ, Т. 37, 201].

поэтических текстах: *боле'зка* ('ласковое обращение к человеку, особенно к ребёнку'. Калуж. [СРНГ, Т. 3, 72]: как основным значением этого слова составители СРНГ отмечают 'о сердечном, милом, желанном человеке'. Вост. [там же]. Синонимичной семантики лексические единицы *боле'зенький* – 'миленький, ласковый, желанный' [там же]; *боле'зный* – 'сердечный, милый, желанный, жадобный, кого люблю, по ком сердце болит [Даль, Т. 1, 114]); *голубя'тки* ('ласковое обращение к детям'. *Ох вы, детки мои! Голубятки мои!* Астрах., Смол. [СРНГ, Т. 6, 343]); *соколю'шко* ('обращение к ребёнку'. Арх. [СРНГ, Т. 38, 243]); *соколиня'тки* ('дети'. *С кем меня соколочку покидает? Покидает соколочку с соколинятками* (песня). Смол. [СРНГ, Т. 38, 244]: употребление аффиксальных производных от названий птиц *голубь*, *сокол* в значении 'любимый, дорогой человек' традиционно для русских коммуникативных моделей и фольклорной традиции [Куприянова, 2016, 27-28]); *со'бинька* ('ласковое обращение к ребёнку'. Волог. [СРНГ, Т. 38, 158]: дериват древнерусского *собь*, имеющего в русских диалектах значения: 'все свое: имущество, животы, пожитки, богатство'; 'скот' [Даль, Т. 4, 259]. Ср. также: *собина*, *собинка*, *собеник* – 'милый, дорогой человек, любимчик' [там же]); *кодома'н* ('ласковое обращение к детям'; 'хороший, милый'. Олон. [СРНГ, Т. 14, 46]: слово с деэтимологизированной внутренней формой. Вероятна связь со словами *кодоло* – 'шест, жердь либо веревка у колодца, от оцепы до бадьи' (олон.) [Даль, Т. 2, 131]; *кодо'лить* – 'призывать лошадей на пастбище'. Арх., Онеж., Олон. [СРНГ, Т. 14, 45]. В этом случае можно предположить, что обращение *кодومان* опосредовано указывает на признак 'соединенный, близкий, родной'.

Положительный коннотативный компонент значения отличает и номинативы-обращения, вербализующие представления русского народа о том, что рождение детей невозможно без воли Бога: *божево'льник* ('ласковое обращение к ребёнку'. *Ваня, божевольник, ты ходи ко мне, а то там забьёшься*. Смол. [СРНГ, Т. 3, 61] (ср. также: *божье благословение* – 'дети в супружестве' [Даль, Т. 1, 109]); *смолёное* ('ласковое обращение к ребёнку'. *Ой, моё смолёное*. Астрах. [СРНГ, Т. 38, 28]: производные от глагола *молить* ('просить смиренно, покорно и усердно, обычно молить Бога') адъективы *молёный*, *смолёный* имеют буквальное значение 'выпрошенный, вымоленный у Бога' (*моленое дитя* – 'вымоленное, выпрошенное у Бога') и переносное – 'баженный, сердечный, желанный, любезный, милый, дорогой' [Даль, Т. 2, 348]).

Вместе с тем отрицательную коннотацию демонстрируют некоторые диалектизмы, имплицитно указывающие на умственную «незрелость» детей: *кандю'х* ('бранно о детях'. *Пузатенький кандюх*. Смол. [СРНГ, Т. 13, 40]: фонетический вариант диалектной лексемы *кандюх* – 'индюк', именующей птицу, которая у русского народа ассоциируется с глупым человеком (см., например, прецедентное сравнение *Надулся как индюк* (кто-л.) – 'о том, кто

имеет напыщенный и глупый вид' [Кузнецов, 2000, 392]); *га'врик* ('простак, простофиля, разиня, глупец'; 'о ребенке'. Неуважительно. *С ней разошелся, а у нее восемь гавриков осталось. Гавриков много не родила.* Том., Тул.; 'о мальчике'. Урал. [СРНГ, Т. 6, 85]). В группе возрастной терминологии и лексики взросления семантическая оппозиция «ум – глупость», по верному замечанию Т.В. Леонтьевой, актуализирует, конечно, не способность размышлять, а благоразумие, рассудок, предопределяющий поведение человека [Леонтьева, 2016, 138].

Шум, беспорядок, озорство детей по понятным причинам часто воспринимались взрослыми с осуждением, что нашло отражение в номинациях, неободрительный коннотативно-оценочный компонент которых явно выражен или прокомментирован контекстными примерами: *пса'рня* ('о детях'. *Ох, содома разбушевался, ох, псарня, ох, нехорошо.* Кемер. [СРНГ, Т. 33, 98]); *содоми'шки* ('детвора, дети'. *Никого нету, одни лишь содомишки посеред улицы ходют.* Ряз. [СРНГ, Т. 38, 212]); *мелозга'* ('мелюзга (о детях)' («Собралися мелозга семи годов да зажгали на повите»). Перм. [СРНГ, Т. 18, 102]); *гавшиа'* ('дети, детвора'. Неодобрительно. *Семья у него большая, одной гавши восемь человек. Гавшиа надоела своим криком.* Саратов. [СРНГ, Т. 6, 85]: возможно, того же корня, что и *гаврик*).

Очевидная негативная коннотация производящих слов и речевые примеры, указывающие на трудности, которые нередко испытывали многодетные крестьянские семья (малообеспеченность, большая занятость взрослых), отличают диалектизмы-метафоры типа: *пло'йма* ('о детях в многодетной семье или стечении их где-л.' *Возись теперь [после смерти дочери] с этим плоймом. Спостыллело гонять плойму тую.* Зап.-Брян. [СРНГ, Т. 27, 146]: в словаре М. Фасмера лексема *плойма* дается со значением 'большое количество (детей)', при этом этимолог отмечает ее возможную связь со словом *плод* [Фасмер, Т. 3, 284]); *плен* ('о большом количестве детей в семье'. *Этые деточки, эты плен совсем сполонил меня.* Зап. Брян. [СРНГ, Т. 27, 110]); *о'бъедь* ('о маленьких детях в семье (когда их много)'. Нижегород., Зап.-Брян. [СРНГ, Т. 22, 276]. Ср. также: *Работников-то мало, а объедателей (объедальщиков) много, дети еще малы* [Даль, Т. 2, 656]).

Заключение

Представления русского народа о детях нашли отражение в лексическом корпусе диалектов. Словарная группа «Ребенок (дети)» многочисленна в русских народных говорах, но идеи и смыслы, отраженные языковым сознанием в данном номинативном участке, исчисляемы и типизированы. В составе группы ассоциативно-образные номинации детей и подростков можно рассматривать как особую лексико-семантическую зону, в которой продуктивны определенные типы метафорических моделей (например, сравнение ребенка

(детей) с небольшими по размеру или по возрасту живыми существами (*жуклёнок, саранча, недоку'нь*), с кем-либо, чье поведение отличается неразумностью, стихийностью, шумностью (*кандю'х, га'врик, содо'мник*), мотивированные слова с метафорической внутренней формой активно используются в номинациях, вербализирующих акциональные или квалифицирующие признаки малолетних субъектов (*ербезёнок, дудо'ля, кавеку'ш; лобаньё, середёна, большу'нья*).

Выполняя оценочно-характеризующую функцию, образные номинации отражают отношение взрослых членов социума к детям. Большинство лексем демонстрирует нейтральную или положительную оценку, неодобрительный характер коннотации отмечен в ситуациях, указывающих на шумность, озорство детей, неуместность повторения ими действий взрослых, а также на материальные сложности многодетных крестьянских семей. Как правило, положительное или отрицательное коннотативное значение изначально закреплено в семантической структуре производящего (мотивирующего) слова (*соколю'шко, со'бинька, боле'зка, о'бьядь*), реже является результатом развития нового (метафорического) значения слова (*луту'нюшка, кобыл'еха*). В этом случае обычно используется словоформа с оценочным аффиксом.

Библиография

1. Аюпова Е.И. Метафорические наименования ребенка: деривационная и функциональная специфика // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. Вып. 3. Т. 2. С. 86-89.
2. Баженов Н.Ю. Зооморфные образы, моделирующие речь, в русских говорах (на материале словарей) // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 2. С. 179-183.
3. Баранов Д.А. Образ ребенка в представлении русских о зачатии и рождении: По этнографическим, фольклорным и лингвистическим материалам: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. 155 с.
4. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX века. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988. 280 с.
5. Кузнецов С.А. (ред. и сост.) Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
6. Даль В. Толковый словарь живаго великорускаго языка: в 4 т. СПб.: Типография М.О. Вольфа, 1880-1882.
7. Демидова К.И. Языковая картина мира в региональном аспекте (научная школа доктора филологических наук, профессора К.И. Демидовой) // Педагогическое образование в

-
- России. 2015. № 12. С. 47-51.
8. Куприянова С.О. Номинация адресата в колыбельных песнях // Вестник СпбГУ. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 3. С. 24-33.
 9. Ларина Л.И. Обозначения внебрачного ребенка в курских говорах // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2014. Вып. 1(15). С. 38-44.
 10. Леонтьева Т.В. Метафоры взросления человека в русских народных говорах // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2016. Вып. 3. С. 133-141.
 11. Овсянникова Т.Г. Умел дитя родить, умей и научить: лексико-семантическая группа «Дети» в вологодских говорах // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Вологда: Легия, 2012. С. 229-234.
 12. Поповичева И.В. Возрастная стратификация детей и подростков в языке и культуре диалектного социума // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 9 (149). С. 90-100.
 13. Поповичева И.В. Кластер-анализ лексической группы «Ребенок» в русских народных говорах // Мир науки, культуры, образования. 2015. Вып. 4(53). С. 283-288.
 14. Филин Ф.П., Сороколетов Ф.П., Мызников С.А. (ред.) Словарь русских народных говоров. М.–Л; Л.; СПб.: Наука, 1965-2014. Вып. 1–47.
 15. Сомова Ю.Ю. Особенности диалектной метафоры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 9-10 (113). С. 146-150.
 16. Угрюмова М.М. Лингвокультурологический портрет ребенка в говорах Среднего Приобья: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. 22 с.
 17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986.
 18. Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 156 с.

**The figurative nominations of children and adolescents in the Russian dialects
(based on the material of “Dictionary of the Russian Folk Dialects”)**

Irina V. Popovicheva

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian as a foreign language,
Derzhavin Tambov State University,
392000, 33 Internatsional'naya str., Tambov, Russian Federation;
e-mail: irinapopovicheva@mail.ru

Abstract

The article deals with motivational links of figurative nominations of children and adolescents in the Russian dialects. The basis of the study is the data of the “Dictionary of the Russian Folk Dialects”. It is stated that for the dialectical units of the lexical set “Child (children)” the identification meaning “child” can be basic and easily recognizable by root morphemes or secondary, metaphorical, determined by the usual associations. The analysis of the semantic and derivational motivational relations of the words of the group allows us to conclude that the associative-figurative designations of young children and adolescents can be considered as a special lexical-semantic zone in which metaphorical nominations and words with a metaphorical inner form are actively used in verbalization of the actional or qualifying features of underage subjects, the translation of typed ideas and meanings reflected by linguistic consciousness in this nominative area. Performing an evaluative-characterizing function, figurative nominations reflect the attitude of adult members of society to children. Most of the tokens demonstrate a neutral or positive assessment; the disapproving nature of the connotation is noted in situations that indicate the loudness, mischief of children, the irrelevance of the repetition of the actions of adults by them. As a rule, a negative or positive connotative meaning is initially fixed in the semantic structure of the derivational (motivating) base; it is rarely a result of the development of a new (metaphorical) meaning of the word. In this case, the word form with the evaluative affix is usually used. The results of the research are important for the comprehensive study of the child’s image in Russian folk culture.

For citation

Popovicheva I.V. (2017) *Obraznye nominatsii detei i podrostkov v russkikh dialektakh (na materiale “Slovary russkikh narodnykh govorov”)* [The figurative nominations of children and adolescents in the Russian dialects (based on the material of “Dictionary of the Russian Folk Dialects”)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (4A), pp. 106-119.

Keywords

Russian folk dialects, figurative nominations, child, children, motivational connections.

References

1. Ayupova E.I. (2008) *Metaforicheskie naimenovaniya rebenka: derivatsionnaya i funktsional'naya spetsifika* [Metaphoric child-designations: derivational and functional peculiarities]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State Humanities University], 3 (2), pp. 86-89.

2. Baranov D.A. (1999) *Obraz rebenka v predstavlenii russkikh o zachatii i rozhdenii: Po etnograficheskim, fol'klornym i lingvisticheskim materialam: dis. ... kand. ist. nauk* [The image of a child in the view of the Russians about conception and birth: According to ethnographic, folklore and linguistic materials. Doct. Diss. Abstract]. St. Petersburg.
3. Bazhenov N.Yu. (2016) Zoomorfnye obrazy, modeliruyushchie rech', v russkikh govorakh (na materiale slovarei) [Zoomorphic images, modeling speech, in the Russian dialects (by the material of dictionaries)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 22 (2), pp. 179-183.
4. Bernshtam T.A. (1988) *Molodezh' v obryadovoi zhizni russkoi obshchiny XIX – nachala XX veka. Polovozrastnoi aspekt traditsionnoi kul'tury* [Youth in the ritual life of the Russian community of the XIX – early XX century. The age and sex aspect of traditional culture]. Leningrad: Nauka Publ.
5. Dal' V. (1880-1882) *Tolkovyi slovar' zhivago velikoruskago yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: 4 vols.]. St. Petersburg: Tipografiya M.O. Vol'fa Publ.
6. Demidova K.I. (2015) Yazykovaya kartina mira v regional'nom aspekte (nauchnaya shkola doktora filologicheskikh nauk, professora K.I. Demidovoi) [Linguistic worldview in the regional aspect (the scientific school of doctor of philology, professor K. I. Demidova)]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia], 12, pp. 47-51.
7. Fasmer M. (1986) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: 4 vols.]. Moscow: Progress Publ.
8. Filin F.P., Sorokoletov F.P., Myznikov S.A. (eds.) (1965-2014) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow – Leningrad; Leningrad; St. Petersburg: Nauka Publ., 1–47.
9. Kupriyanova S.O. (2016) Nominatsiya adresata v kolybel'nykh pesnyakh [The addressee nominations in lullabies]. *Vestnik SpbGU. Ser. 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Vestnik of St. Petersburg State University. Series 9 Philology, Asian Studies, Journalism], 3, pp. 24-33.
10. Kuznetsov S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint Publ.
11. Larina L.I. (2014) Oboznacheniya vnebrachnogo rebenka v kurskikh govorakh [Nominations of an illegitimate child in the Kursk dialects]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [TL&IC], 1 (15), pp. 38-44.
12. Leont'eva T.V. (2016) Metafor'y vzrosleniya cheloveka v russkikh narodnykh govorakh [Metaphors of human maturation in Russian dialects]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo*

-
- universiteta. Ser. Filologiya* [Bulletin of the Tver State University. Series Philology], 3, pp. 133-141.
13. Ovsyannikova T.G. (2012) Umel ditya rodit', umei i nauchit': leksiko-semanticheskaya gruppy "Deti" v vologodskikh govorakh [If you were able to give birth to a child, you should be able to teach it: a lexical-semantic group of "Children" in the Vologda dialects]. *Slovo i tekst v kul'turnom soznanii epokhi* [The word and the text in the cultural consciousness of the era]. Vologda: Legiya Publ., pp. 229-234.
 14. Popovicheva I.V. (2015) Klaster-analiz leksicheskoi gruppy "Rebenok" v russkikh narodnykh govorakh [Cluster-analysis of a lexical group "child" in Russian folk idioms]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 4 (53), pp. 283-288.
 15. Popovicheva I.V. (2015) Vozrastnaya stratifikatsiya detei i podrostkov v yazyke i kul'ture dialektного sotsiuma [Age stratification of children and teenagers in the culture of dialect society]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series Humanities], 9 (149), pp. 90-100.
 16. Somova Yu.Yu. (2016) Osobennosti dialektnoi metafory [Features of a dialect metaphor]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 9-10 (113), pp. 146-150.
 17. Ugryumova M.M. (2014) *Lingvokul'turologicheskii portret rebenka v govorakh Srednego Priob'ya: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk* [Linguo-cultural portrait of the child in the dialects of the Middle Ob River. Doct. Diss. Abstract]. Tomsk.
 18. Yurina E.A. (2005) *Obraznyi stroi yazyka* [Figurative structure of language]. Tomsk: Tomsk University.
-